Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Шлюха

Пролог

— Братики у тебя красивые, — Павел Валерьевич масляным взглядом оценивает сексуальный наряд дочери.

Катя ловит его взгляд в зеркале, расплывается в улыбке:

— Да, они хорошие.

Папины пальчики бережно поправляют ленты подвязок на упругих ягодицах, чёрные резинки чулок тянутся вверх. Его взгляд прикован к промежности, где стринги едва прикрывают расщеплённые контуры писи.

— Хочешь их? — кладёт руку на её попу, полностью захватывает ближайшую к себе правую ягодицу, сжимает её.

Катя выгибает спину, прозрачное ажурное платье-вуаль, вышитое цветами, колышется на голом теле. Соски загрубели, топорщатся толстыми шариками на бурых ареолах.

— Хочу, — срывается с приоткрытых губ. Она опускает веки, во рту быстро пересыхает. Папина ладонь ныряет под вуаль, толстые пальцы щепоткой стягивают стринги в сторону, находят губы влагалища. Средний перст погружается в горячую дырочку, выходит и разглаживает мокрые губки, скользит вперёд к выбритому лобку. Папа растирает клитор, подготавливает её к мальчикам.

— Ты сделаешь всё, что они попросят, — он ласкает её, заигрывает с горячим влагалищем.

— Да, папа, — она шире раздвигает ноги, стройные бёдра расходятся в стороны под тазом. Двумя руками она облокачивается на стену, алые ногти-лодочки со стразами скребут обои.

— А потом вернёшься ко мне, когда закончишь, — делает усилие, и два пальца ныряют во влагалище.

Катя дрожит в коленках, силиконовые шпильки отрываются от пола. Она готова кончить здесь и сейчас, но пока не время. Зелёные зрачки расширяются, губки, напомаженные вишней, разлипаются. Катя движется навстречу, требуя продолжения. Но он неумолим. Возвращает трусики на место, сдавливает упругую ягодицу, полностью помещающуюся в ладонь.

— Да, папочка, — Катя улыбается, в этот раз выдыхает с облегчением. Они ещё успеют развлечься, а пока она должна доставить удовольствие двум красавцам, которые с недавнего времени положили глаз на её достоинства. Они ждут её в спальне, два братика — Иван и Тимур.

Покачивая бёдрами, Катя идёт по коридору. Папин взгляд прикован к её попе. Она чувствует желание отца, знает его любовь. Останавливается перед дверью, закидывает подол платья на талию и двумя руками растягивает ягодицы в стороны. Стоит так, выгнув спину, коварно улыбаясь. Он не видит её улыбки, может только догадываться. Наклонившись вперёд, она виляет задом, растягивает попу пальчиками, играет напряжёнными ягодицами. Наконец открывает дверь, и яркий солнечный свет на мгновение заполняет коридор, ослепляет её. Лишь на короткое мгновение полумрак коридора заливается светом.

1

Иван первый заподозрил неладное. Ритмичный скрип кровати, приглушённые стоны, доносившиеся из комнаты сводной сестры, да ещё в три часа ночи, быстро привели его в

чувство. Пропало желание сходить по-маленькому, он весь превратился в слух. За Катиной дверью продолжалась знакомая игра звуков: пружины в старом диване предательски попискивали. Он представил Катю, лежавшую на спине. Как она развела ноги в стороны, поджимает коленки. Двумя руками она ласкает себя, растягивает губы разомлевшего влагалища, гоняет скользкие пальцы в розовой дырочке. Ваня тут же возбудился, запустил руку в трусы. Он улыбался, думая о сестрёнке. До сих пор он воздерживался от фантазий, слишком уж близко она находилась в семейной иерархии по отношению к нему. Но теперь Катя сама дала зелёный свет, позволила себе неосторожность мастурбировать среди ночи. Может, она в наушниках, представил он, слушает плеер? Это ещё больше раззадорило Ивана. Фантазировать о сводной сестре, с которой едва знаком, казалось неприличным. Но всё же... Он обернулся, в коридоре стоял шкаф. Нашёл носок в нижнем ящике, разогнался и кончил, прислушиваясь к усилившимся скрипам за дверью. Сперма лилась в мягкую плотную ткань, его член, торчащий рогом, влетал в Катино горячее влагалище. Так он представлял себе секс, подслушивая в темноте под Катиной дверью.

В этот момент кровать в комнате заскрипела сильнее, Катя вставала, и Ваня запрыгал на цыпочках по коридору в зал, где он спал до этого. Дверь оставалась приоткрытой, он только успел прошмыгнуть внутрь, прикрыть за собой не плотно, так, чтобы не хлопать. Ему хотелось взглянуть на Катю. Скорее всего она пойдёт в туалет или ванную, думал он. Если пойдёт на кухню, то он успеет отскочить и нырнуть под одеяло. Все его мысли крутились вокруг голенькой Кати в халатике, она только что задорно мастурбировала у себя в комнате, в фантазиях он кончил в неё. Теперь она, расслабленная, вышла сделать пи-пи или попить водички. Или и то, и другое.

Щёлкнул выключатель света в ванной, дверь приоткрылась, и Ваня со всей отчётливостью увидел грузную фигуру Павла Валерьевича, отчима, в длинном махровом халате. С выдающимся вперёд животом он стоял, понурив голову. Мужчина нырнул в ванную и, не прикрывая плотно двери, скинул с себя халат. Тот опустился на стиралку. Под волосатым животом Ваня увидел поникшую палку члена в презервативе. Павел Валерьевич быстро стянул резинку с провисшим мешочком спермы, завязал конец в узелок и, отложив презерватив на халат, начал смывать сперму с члена. Он стягивал кожу с толстого негнущегося члена одной рукой, другой набирал в пригоршню воды и поливал бледно-фиолетовую головку. Тёр её пальцами. Закончив, он вновь накинул халат и вышел. Член к тому моменту уже висел вялой колбасой. Щелчок выключателя тихо кликнул, отчим замер в коридоре. Ваня, дрожа от возбуждения, нырнул под одеяло. Медленные шаги Павла Валерьевича по коридору воровато проследовали мимо зала. Он шёл на кухню избавляться от улик, выкинуть использованный презерватив в мусорную корзину.

Засыпая, Ваня думал о стройной восемнадцатилетней Кате под боровом-отцом. Как отчим медленно жарит девчонку на старом диванчике в маленькой комнате. Как тихо и ритмично скрипят пружины, как женское приглушённое кряхтение нарушает тишину.

«Как давно они занимаются этим?» — Ваня перевернулся на другой бок. Чувство неприязни к отчиму, озлобление охватили юношеский разум.

2

Ваня жил наедине с тайной много дней. Мама всё так же купалась в любви отчима, новоявленные родители ворковали голубками, тёрлись носами, как подростки. Если бы она знала, что муж обманывает её, спит с родной дочерью, мучился Ваня, она бы так не

радовалась.

Ночью он часто просыпался, прислушивался к звукам в квартире, прежде чем идти в туалет. Скоро его бдительность была вознаграждена: он вновь услышал шаги в коридоре, потом шёпот, свист прикрываемой двери. Опять крался Ваня к Катиной комнате, слушал скрип кровати, нежный шёпот и мяукающие стоны. Опять он возбудился и кончил.

Отчим и сводная сестра днём ничем не выдавали интимной связи, хоть и проявляли щенячьи нежности по отношению друг к другу. Мама во всей этой ситуации оказалась крайней, рассуждал Ваня.

Он хотел рассказать кому-нибудь, поделиться переживаниями. Выбор пал на старшего брата.

3

Тимур был на год старше Ивана, сообщение об отчиме вызвало недоверие:

— Фигня какая-то.

— Не веришь?

— Да ладно. Может, тебе приснилось? Или показалось?

Они сидели в зале, «комнате для мальчиков», как шутила мама. После переезда Хомичей к Космылёвым пришлось потесниться.

— А презерватив? — надулся Ваня.

Тимур пожал плечами.

— Всё равно нужны доказательства, — сказал он, немного погодя, прищурившись.

— Зачем тебе доказательства? — Ваня переключал в этот момент каналы. Ничего интересного кроме футбола не показывали. Он вернулся к скучной игре.

— Ну, чтобы маме сказать, — Тимур, похоже, сам сомневался в правильности выбора.

— Думаешь, стоит? — Ваня оценивающе посмотрел на брата. Как он, готов разбить сердце матери?

Тимур вздохнул и нахмурился:

— Конечно, лучше не говорить.

— Но с другой стороны,если не сказать, тоже плохо. — Чего?

— А ты бы сам как хотел, чтобы тебя обманывали? — Ваня встретился глазами с Тимуром.

Тот хмыкнул, посидел, задумавшись, поглядывая в окно.

— Знаешь, лучше в нашем случае вообще не рассказывать маме, — сказал он наконец. — Поговорить с Катей. Может, она тогда перестанет спать с отцом.

— Тоже вариант, — Ваня улыбнулся. — Когда будем говорить?

— Да хоть сегодня!

— А давай!

— А давай!

Братья рассмеялись, хоть и напряжённо. Чувствуя поддержку друг друга, они испытали охотничий азарт.

«А если она ни в чём не виновата, если Ване всё приснилось?» — мелькнула мысль у Тимура. Обвинять человека без доказательств казалось непростительной, грубой ошибкой. Уже подходя к Катиной комнате, он пошёл на попятную, зашептал:

— Давай ты сам предъявишь ей обвинения? Я ведь не видел ничего.

— Чего, испугался? — Ваня смерил брата презрительным взглядом.

— Да не хочу я, чтобы она думала, что я тоже подслушивал. Давай ты мне потом расскажешь, как всё прошло? Я считаю, что нам нужны веские доказательства, — Тимур облизнул губы.

— Какие ещё доказательства? — шёпот стал слишком громким, и они вернулись в зал, перешли на голос.
— Какие, ну видео, например.
— Видео? И где я тебе видео ночью раздобуду?
— Ну не ночью, может они и днём этим занимаются.
— И что ты будешь целыми днями следить за ней?
— А что? — Тимур уставился на брата с хамоватой улыбкой.
Ваня улыбнулся в ответ. Действительно, подсматривать за Катей казалось заманчивой идеей.
— Ну не знаю, оборудование нужно специальное, — он задумался.
— Да какое там оборудование, — оживился Тимур. — Фотик зарядим на восемь часов, звук выключим и вперёд. Надо только спрятать понадёжнее.
Ваня с сомнением посмотрел на брата. План обретал реальные очертания.
4
В субботу они специально отправились с мамой на рынок, чтобы оставить отчима с сестрой одних в квартире. Они надеялись, что фотокамера, спрятанная в коробку из-под рассады, запечатлеет момент инцеста. Вечером, пока Катя крутилась на кухне, Тимур заскочил в её комнату, достал камеру и унёс с собой в зал. Ему хотелось первым исследовать материал. Ваня ушёл играть в футбол.
Тимур не сильно надеялся на успех. Достал карту памяти, заполненную под завязку, вставил в лэптоп. Долго сливались гигабайты видео. Пустого скорее всего, думал Тимур. Ведь Катя могла заниматься сексом с отцом в любой другой комнате.
Наконец, предусмотрительно выключив звук, он принялся проматывать запись. Поначалу на экране действительно не происходило ничего интересного. После завтрака Ваня улучил момент, включил камеру. Вот он уходит из комнаты, хмурится, изучая коробку из-под рассады. Вот проходит полчаса. Ничего нового, комната пуста. Наконец в дверях появляется Катя. Тимур запустил просмотр с этого места. Она, как обычно, идёт по комнате в своей домашней одежде — тёмно-синих полуспортивных штанах и пуловере. Неожиданно начинает раздеваться. У Тимура мурашки забегали по коже. Он никогда не видел Катю голой, хоть и представлял себе немного, какая она. Она стягивает пуловер, белоснежный бюстик удерживает грудки. В следующий момент на пол опадают спортивные штаны. Попа в белых трусиках мелькает на экране. Обычные белые трусики. Катя извлекает из сундучка, стоящего в углу, различные предметы гардероба, которые окончательно приводят Тимура в состояние боеготовности. Он и до этого чувствовал возбуждение, теперь же, когда Катя, не стесняясь, стягивает с себя нижнее бельё, меняет его на эротическое, его член задирается. Заложенный набок, он оттягивает резинку трусов.
Тимур почувствовал горячий прилив крови к голове, смотрел во все глаза на Катю, как она натягивает тёмные чулочки, чёрные стринги, поясок. Как разглаживает подвязки чулок на попе, выискивая оптимальную степень натяжения. Его рот невольно приоткрылся, когда на пороге комнаты появился Катин отец-здоровяк. Он был в махровом халате, радушный. Привлёк Катю к пузу и сразу поцеловал в губы. Она обвила плечи отца, скользнула руками под халат. Опускаясь поцелуями, она стояла боком к камере. У Тимура окончательно сорвало крышу, когда он увидел длинный толстый хер, торчащий между полами халата. Большая розовая мошонка колыхалась, оттянутая двумя овальными орехами. Катя точными движениями взялась за член, присосалась к бледно-фиолетовой головке, которая оплыла по

стволу. Павел Валерьевич прикрыл глаза, он величаво дышал, вздымалась грудь. Его ладони легли на голову дочери, обхватили её. Лёгкими движениями таза он задвигался вперёд-назад. Катя вторила ему, хоть и опускалась неглубоко. Её пальчики с ярким алым маникюром растягивали отеческую мошонку, находили яйца. Видно было, как ей нравится играть с яичками.

Тимур, привыкший дрочить на порно, на секунду застопорился, но, не выдержав, достал член из штанов. Пока он так смотрел видео, мама с отчимом отдыхали в спальне, Катя читала книжечку, она редко заглядывала в зал. Тимур был предоставлен самому себе и зрелищу, которое разворачивалось на экране, поэтому, не стесняясь, принялся дрочить.

Павел Валерьевич скинул халат и поставил дочку лицом к креслу. Она повалилась на коленки, раздвинула бёдра под собой. Отчим быстро раскатал по стволу презерватив, стянул набок чёрную полоску стрингов и, не взирая на общественные запреты, вогнал колом торчащий хер в Катино выбритое влагалище, которое словно нежная мякоть устрицы разложилось навстречу внутренними губками. Павел Валерьевич драл дочь, не стесняясь, не сдерживаясь. Как ломовой конь с яйцами, он сношал её мощно и уверенно. У Тимура от возбуждения голова шла кругом. Он дрочил так же резко и дико. Отчим сначала цеплялся толстыми ладонями за Катины бёдра. Её задница полностью скрывалась под растопыренными пальцами. Потом он намотал Катины волосы на кулак и вцепился ей в плечи. Она откинула головку, повинуясь натяжению волос, выгнула спину. Она стала похожа на гимнастку с оттопыренной попкой. Так они становятся в конце выступления. В какой-то момент Тимур поймал взглядом Катин опьянённые глаза, закатившиеся. Она прикрывала веки и быстро водила язычком по губам. Её взгляд, направленный на папочку, говорил о многом: о том, как ей хорошо, как она кайфует от каждого жёсткого проникновения.

Стянув Катю с члена, Павел Валерьевич перевернул. Она тут же уселась в кресле на коленки. Отчим сорвал презерватив с члена, поставил левую ногу на подлокотник. Вся картина минета предстала перед Тимуром. Тугой мужской живот с кратером пупка куполом свисал над твёрдым мохнатым пахом. Из коротких седоватых зарослей торчал белый кол, покрытый фиолетовыми венками, увенчанный бордовой залупой, расщеплённой снизу пополам. Розовые яйца цеплялись тонкими высокими складками кожи, раскачивались в такт движениям таза. Руки-клешни Павла Валерьевича вновь накрыли голову дочери. Она с остервенением взялась за отеческую плоть, ныряла на сколько могла. Несчастные пять сантиметров — на больше её не хватало. Он взял хер в правую руку. Она отпустила руки, подняла любвеобильный взгляд на папочку. Сколько весёлого взаимопонимания было в этих глазах, Тимур покачал головой.

Её язык вываливается. Мускулистая рука папочки гоняет палку со звериной скоростью. Наконец палка выстреливает густыми перламутровыми плевками, которые едиными сгустками срываются в ротик, скатываются на язык. Последующие плевки сползают по залупе, которая, зажатая в кулаке, стала жирнее, бордовее. Толстая дырочка на конце расширилась, как ноздря. Павел Валерьевич склоняется над дочерью. Она по-прежнему смотрит вверх открыв рот, заполненный спермой. С задорной улыбкой в глазах встречает папин взгляд, губы перепачканы спермой. Он шепчет ей что-то сладкое, густой комок слюны отделяется, секунду висит на тонкой нити и спускается дочери в рот. Она ловит его со смехом, накрывает головку члена, бросается сосать её с новой силой. Он уже разжал кулак, Катя заканчивает ласки двумя руками и ртом. Облизывает весь ствол продольными мазками,

опускается под основание и по очереди втягивает отеческие яйца. Те большими пухлыми шарами играют при нажатии. Павел Валерьевич улыбается, заглядывая вниз. Там дочь пытается полностью засунуть мошонку в рот. Он опять что-то говорит, притягивает Катю за личико, она поднимается. Целует её в губы, увлекает за собой на диван. Они лежат в обнимку, укрытые его халатом. Катина попа в стрингах, её чулочки со стрелочками мелькают время от времени. Они греются в гнёздышке, воркуют о чём-то. Временами порыв страсти накрывает любовников, Павел Валерьевич покрывает тело дочери поцелуями, опускается к киске. Он лижет её, толстыми пальцами раздвигая губы. Но и это невольное развитие увядает под гнётом времени, которое неумолимо бежит вперёд. Он уходит, она остаётся лежать, потом, уставшая, но весёлая меняет сексуальный наряд на обычную одежду. «Она любит его!» — Тимура больше всего поразило это открытие. Пока шло видео, он дрочил. Кончил он себе на майку. Отчим вылил густую сперму Кате в рот, его же горячие струи стекли по животу, осели в пупок.

Как бы он хотел быть на месте отчима!

5

Ваня пришёл с футбола поздно вечером, на вопрос о результатах видеонаблюдения получил короткий положительный ответ.

— Что, серьёзно что ли? — он изумлённо уставился на Тимура.

— Да, — брат вздохнул. — Можешь посмотреть.

И потом, когда Ваня бросил всё и принялся просматривать видео, он задумчиво добавил:

— Не нравится мне всё это.

— Чё? — Ваня с азартом наблюдал за действием на экране.

— Некрасиво так подсматривать.

— А маму обманывать красиво? А с дочерью родной красиво трахаться?

— Нет, конечно. Чё теперь делать, ума не приложу.

— Чё делать, чё делать, — Ваня проматывал вперёд, делая вид, что его не интересуются деталями. — Надо сказать Кате, что мы всё знаем. Пускай завязывает это дело, а то мы всё маме расскажем.

— Ну и чё? Расскажешь ты. Сделаешь только маме хуже. Тут надо хитрее быть, — Тимур лежал на спине, подложив ладони под затылок, раскинув локти в стороны. Изучал потолок.

Ваня хмыкнул:

— Хитрее? Это как? — сам расплылся в хитрой улыбке.

— Надо Кате парня найти, чтобы она вышла замуж и уехала отсюда.

— Ну это не скоро будет, я думаю, — Ваня ухмыльнулся.

— Значит, надо как-то мешать им заниматься сексом, чтобы они не думали, что всё так просто! — у Тимура на лбу появилась складочка, явный знак того, что он злился.

— Ну вот ночью, например, — рассуждал Ваня, чуть погодя, — как ты собираешься им мешать?

— Не знаю, можно в туалет по очереди ходить.

— Точно, будем по будильнику в туалет ходить! — Ваня захихикал. Он уже лежал под одеялом. Повернувшись лицом к Тимуру, он с удивлением изучал напряжённое лицо брата.

«Не всё так просто! — думал Ваня. — Видно, Катя его тоже возбуждает!»

С этой весёлой мыслью он засыпал. Перед глазами мелькали картинки дня: Катин папа трахает дочку. Шлёпает наотмашь, наматывает волосы на кулак.

Интересно было бы подрочить на это видео! А ещё лучше трахнуть Катю!

6

Хомичи переехали к Космылёвым в конце лета. Ваня с Катей заканчивали школу, поступили в университет: она в Лингвистический, он в Государственный на Журфак. Тимур перешёл на второй курс Университета информатики и радиоэлектроники. Первого сентября дети, как их ласково называла мама, отправились на учёбу. Вместе завтракали, добирались на автобусе до метро. Там их пути расходились: Тимур выходил первым, дальше Катя, наконец Ваня. Он доезжал почти до конечной.

С первых дней знакомства, ещё когда фургончик с вещами Хомичей заехал задом в подъезд, братья взялись ухаживать за сводной сестрой. Проявляли галантность, шутить старались не пошло, стеснялись использовать мат. Катя оказалась очень даже симпатичной: стройной девушкой с длинными русыми волосами, миловидным личиком. И улыбалась она всегда обворожительно. Скромная, молчаливая, она сразу очаровала парней детской непосредственностью, умением стильно одеваться, носить короткие обтягивающие платья не вызывающе, а с достоинством. Дворовые парни млели при виде Кати, спрашивали у братьев Космылёвых, есть ли у неё парень и какого цвета трусики она носит. Ажиотаж вокруг сводной сестры передался Ване и Тимуру суровым пониманием: честь Кати — их честь, теперь они хранители. Кто посмеет обидеть Катю словом или делом, будет держать ответ. Так они и отбили охоту у особо рьяных дворовых ловеласов облизываться на Катю.

7

Тимур завёл будильник на наручных часах на три часа ночи — время, когда, судя по отзывам брата, Катя трахается с отцом.

Тихая мелодия слоями рассеяла туман сна. Он выключил будильник на автомате. Долго лежал, ничего не понимая, силясь вспомнить, зачем он очутился в полной темноте с открытыми глазами. Он проваливался в сон, но чувство незавершённости возвращало его. Он что-то забыл здесь. Наконец мозг включился в работу.

Тимур тихо поднялся с кровати, брат спал. Направился к двери, она всегда была приоткрыта, чтобы не шуметь ночью. В туалет не хотелось, но он старался ради мамы. Или так ему казалось. Если ходить ночью в туалет, то у Павла Валерьевича пропадёт желание наведываться к дочери, думал он.

На самом деле в глубине души Тимуру хотелось подслушать хоть разок, принять пассивное участие в том, что описывал Ваня как «характерный скрип кровати и тихие стоны любви». Одного видео было недостаточно, невольно хотелось застать их врасплох. Хоть он и боялся этого момента. Если отчим будет выходить от Кати, наткнётся на него у двери в туалет, то, может, перестанет шастать к ней по ночам, рассуждал Тимур. Ему хотелось хоть как-то оправдать шпионаж. Выставить свои действия правомочными.

На пятый день ночных прогулок к туалету он наконец добился результата. За Катиной дверью действительно происходило нечто невообразимое: тихий ритмичный скрип дивана сопровождался сдавленным шёпотом и звуками, похожими на мышиный писк. Тимур почувствовал, как член становится колом, растягивает трусы в палатку. Он корил себя за слабость. Надо было войти в комнату и включить свет. Сказать что-нибудь гадкое, но он боялся ошибиться. В конце концов Катя могла просто мастурбировать. Или поигрывать ногой, слушая громкую музыку в наушниках. Куча разных вариантов рассеивались перед

одной истиной, которую Тимур принимал с тяжёлым сердцем: Катя трахалась с отцом. Вернее, он ебал свою дочь. Регулярно и по возможности жёстко. С этим ничего нельзя было поделать. Равно как и с эрекцией, которая неизменно возникала, когда возникали такие мысли.

Диван заскрипел чуть пожёстче, быстрее, пружины натянулись, застыли, потом наступила фаза разжимания. Скрип поднимающегося тела. Тимур проскользнул по коридору в зал, наблюдал сквозь щёлочку, как Павел Валерьевич покидает комнату Кати, закрывается в ванной. Затем отчим выходит, выключает свет и уходит в спальню. Ничего как бы не произошло.

Тимур крался на цыпочках к туалету. Его план вспугнуть любовничков с треском провалился. Они и не думали пугаться. Он приложил ухо к Катиной двери, сквозь щёлочку внизу лился тусклый жёлтый свет ночника. Катя приводила себя в порядок. Видимо. Внезапно злость охватила Тимура. Катя переехала к ним как чистая непорочная сестрёнка, они защищали её честь во дворе. Она держалась скромно, строила из себя цацу. А ночью предавалась разврату с отцом. Хороша девица, нечего сказать! Восемнадцать лет девочке! Сколько же она так ебётся, если совсем тормозов не имеет?

Тимур взялся за ручку, надавил и вошёл. Диван находился за углом слева, Катя лежала головой к дальней стенке, ноги согнуты в коленках, румяное лицо частично скрыто.

— Не спишь? — вполголоса произнёс Тимур. Он едва сдерживался, чтобы не взорваться.

Она удивлённо вскинула глаза, пролепетала:

— Что-то не спится,— уставилась на него вопросительно. Зайти, конечно, никто не запрещал, особенно в четыре часа ночи, особенно если сквозь щель под дверью льётся свет, но всё равно без стука, без спроса. Ни Тимур, ни Ваня даже днём к ней не входили, хоть она и оставляла дверь открытой.

Тимур стоял перед ней в семейный трусах, это ещё больше смутило её. Он прикрыл за собой дверь, сделал два шага вперёд и замер посреди комнаты. Сложив руки на груди, уставился на неё буравящим взглядом, выражавшим всё: презрение, ненависть, ярость. Ей сразу стало не по себе.

— Думаешь, я не знаю, чем ты тут со своим отцом занимаешься? — прошипел он сквозь зубы.

Она захлопала ресницами, ротик невольно приоткрылся. Катя быстро соображала, металась между двух огней, внешне никак не проявляя волнение. Лишь руки задрожали под одеялом.

Она беззвучно вдохнула, так глубоко, что чуть не задохнулась, голова закружилась, и сон сразу как рукой сняло.

— Тимур, — она выдавила улыбку. — Он меня просто обнимал, тебе показалось.

Затаив дыхание, она следила за выражением лица сводного брата. Как много ему известно? Станет ли он рассказывать об этом маме? Она молила его немым взглядом не выдавать тайны, не видеть в случайных ночных звуках тайны.

— Показалось? — Тимур хмыкнул, стал в позу петуха. — Ты спишь с ним, неужели тебе не стыдно?

В его неумолимом взгляде Катя видела абсолютную уверенность в своей правоте. Этот взгляд надломил её, она вдруг поняла, что не сможет так просто отвертеться.

Нервно сглотнула, отвела взгляд к стене. Всё кончено, теперь Тимур расскажет маме, и та закатит скандал. А потом будет мстить. Или чего хуже: подаст на развод. Всё из-за одного неосторожно подслушанного звука.

— Можно с тобой поговорить? — Катя бросила отчаянный строгий взгляд на Тимура. Он сразу поменялся в лице, критично уставился на неё:
— О чём? — спросил, продолжая стоять перед ней, расставив ноги на ширину плеч, сложив руки на груди.
— Присядь, — она рукой указала на свободный край дивана.
Он нехотя опустился рядом, согнул под собой левую ногу, используя правую для равновесия.
— Ты когда-нибудь любил? — спросила она грустным голосом.
Презрение медленно покидало Тимура, его лицо стало задумчивым, но вдруг вновь переменилось. Глубокая морщина протянулась над переносицей:
— А ты не могла влюбиться в обычного парня?
— Я и влюбилась.
— В кого?
— В тебя.
Он посмотрел на неё удивлённо, левая бровь приподнялась, недоверчивая улыбка заиграла на губах.
— Не веришь? — Катя улыбнулась светлой улыбкой.
Он хмыкнул, отвернулся.
— Ты мне сразу понравился, — она приподнялась и села так близко к нему, что он невольно попятился.
Её рука скользнула по ноге и сразу проникла под просторную ткань семейных трусов. Катя возбуждённо приоткрыла губки, выискивая член. Вот он! Ухватилась за разбухшую колбаску, погладила её.
— Какой красивый! — прошептала она, улыбаясь. — Можно я возьму его в ротик? — она спрашивала и одновременно наклонялась, тянулась губами к паху. Тимур сидел на левой ноге, ей пришлось стянуть с него трусы. В своём стремлении поскорее присосаться к члену она ни на секунду не теряла инициативы. Казалось, она думает и живёт только одной этой мыслью — поскорее взять член Тимура в рот.
Он вздохнул и задрожал, когда она накрыла его ротиком. Она стянула кожу, член быстро затвердел, прижался к лобку. Она оттягивала его, молодую эрекцию, целовала головку, которая кривилась внутрь. Яички Тимура заиграли в пальчиках. Катя полностью выскользнула из-под одеяла, усадила Тимура на край дивана, сама опустилась перед ним на колени. Опускаясь, она затягивала его яички в рот, смотрела вверх, где он, откинувшись назад на ладони, тяжело дышал. Он смотрел беспомощным молящим взглядом, прикрывая веки, смачивая сухие губы. Его сердце мощно и редко колотилось, от чего мелко вздрагивала и грудь, и кожа на животе. Катя ощутила странное удовлетворение от контроля, который возникал между ними, передавался от губ к члену. Её страсть разгоралась: она вытянула грудки из маечки и, наклоняясь, гладила соски мокрой головкой, потом вновь ныряла ротиком на каменный разбухший член. Её шаловливый глаза уже свободно, миролюбиво, без лишнего заискивания встречались с глазами Тимура. Он лежал перед ней, полностью отдавшись её власти, её сводный братик, который теперь не станет рассказывать маме глупостей по одной простой причине: он сам совершает глупость, имя которой любовь. Она обжала член двумя ручками, надела сверху ротик и мощными ритмичными нажатиями принялась агрессивно сосать. Много времени ей не понадобилось. Рука Тимура нашла её лицо, волосы, он любовно гладил её, кончал беззвучно в ночной тиши. Охая едва заметно,

испуская вздох, похожий на предсмертный, он опустился на спину. Поверженный. Она поймала и проглотила всё, что он выплеснул, и ещё долго доглаживала языком его член, спускаясь к мошонке, вытягивая яички, поигрывая с ними. Наконец она встала и поцеловала твёрдый пресс парня, поднялась к дельтам мышц на груди, приникла к солнечному сплетению щекой, дотянулась горячим кончиком язычка до сосочка. Тимур гладил её по головке, обнимал за плечи, его по-прежнему твёрдый член не хотел опускаться, завалился набок, упираясь в её животик. Он руками спустился к попе, ухватился за ягодицы, раздвинул их, поиграл колобками. Катя игриво повиляла бёдрами, усмехаясь ему в грудь. В этот момент Тимур нашёл её губы, и они слились в поцелуе. Весьма страстном и непредсказуемом, потому что уже через минуту Тимур вновь ощутил прилив крови в члене.

— У тебя есть презерватив? — шептал он.

Она кивнула. Открыла выдвижной ящик стола, достала оттуда пенал, в котором лежала упаковка:

— Вот, — возбуждённая улыбка предвкушения застыла на её детском личике.

Он поставил её в кресле, как на видео, натянул резинку. Никогда у него не было девушки, он не знал поцелуев, минетов, секса. Катя разбудила в нём дикую страсть, сравнимую с ураганом, несущимся по степи, сметающим всё на своём пути. Он видел, как Катя занимается сексом, видел её в деле. Он хотел стать на место отчима, мечтал об этом и не устоял, когда выпал шанс. Тимур быстро нащупал головкой члена дырочку в Катином выбритом влагалище. Вся её попа была создана для украшения влагалища: двух красивых складочек кожи, между которыми были ещё две, тонкие, раскладывающиеся книзу очередной треугольной складочкой. Он воткнул член сверху и протолкнул его внутрь, Катя выгнулась в пояснице. Он вдруг испытал невероятный взрыв эмоций. Катя любила его, отдавалась. Он любил её, хотел быть с ней, купаться в её любви, доставлять ей удовольствие. Он натянул её на член, стройные бёдра, увенчанные упругой попой, туго налезли на член. Пристраиваясь поудобнее сзади, Тимур привыкал к новым для себя движениям. Он сомневался, можно ли бить сильнее, но картинки, подсмотренные на видео, подсказывали, что Катя хочет и может больше. Что надо ускориться, как отчим, что можно взять Катю за задницу, намотать волосы на кулак, оттянуть головку, схватить Катю за плечи, засунуть ей пальчик в рот. Ей так нравилось, она делала это регулярно. Он сделает с ней так же, докажет, что может лучше. Он моложе, спортивнее, он может кончать чаще, гораздо чаще, чем она привыкла с отцом. Катя забилась на члене, двигаясь навстречу. Странная связь. Тимур уловил импульс, его удар встречался с твёрдыми ягодицами, Катин зад, тугой как барабан, стукался об лобковую кость. Почти больно, если бы не было так приятно. Оттянув головку за волосы, он заставил Катю выгнуться в дугу. Она гнулась перед ним, грудки с твёрдыми сосочками подлетали вверх-вниз. И он кончил в сестрёнку. Каменный член, расслабленный в мышце под яичками, постепенно залился оргазмом и выплеснул кайф в чистом виде в Катино лоно. Самопроизвольное семяизвержение развалило ночь на до и после. Член выстреливал снова и снова, регулярно сокращаясь, отдавая Кате по каплям любовь, которую она просила.

8

Ваня спал чутко. В отличие от Тимура ему не нужен был будильник, чтобы проснуться под утро. Сходить в туалет часиков в шесть для него было обычным делом. Будильник, который срабатывал у Тимура, срабатывал и у Вани. Только в голове. Он просыпался, слышал сквозь сон, как брат поднимается с кровати, стараясь не шуметь, улыбался спросонья, как озорник,

понимающий подоплёку. Ведь Тимур старался ради мамы. Ваня, конечно, понимал, что Тимур не просто так бегает к туалету. Послушать, как сестрёнка стонет, занимаясь сексом с отчимом, — занятие интересное, как охота. Ваня сам частенько возвращался к видео, дрочил на Катю. Днём он посматривал на неё, примерял член во рту. Девочка-тихоня жила в соседней комнате, суетилась на кухне, прибирала в коридоре. Они вместе ездили на учёбу. Но сказать ей то, что зудело в голове, не хватало ни совести, ни смелости. Она регулярно занималась сексом со взрослым мужчиной, своим отцом. Какие тут могут быть вопросы? Это её тайна. Пускай живёт с ней. Она обидится, конечно, перестанет разговаривать, если узнает, что они знают. А так они очень даже весело проводят вместе время после занятий. Приятно иметь сестрёнку, которую приятно иметь. Отец имеет дочку. Во всех смыслах, рассуждал Ваня, ухмылялся, разглядывая со стороны девичий задор.

И всё же ночные похождения Тимура начали вызывать подозрения. «Где он так долго шляется? — думал Ваня. — Неужели стоит под дверью и дрочит? Или так просто слушает?» И почему каждый раз это длилось минут двадцать? Сходил в туалет, называется.

Смутные подозрения начали закрадываться в Ванину душу. Прошёл месяц, а Тимур, как штык, почти каждую ночь выходил на дежурство. Уж очень рьяно он выполнял роль маминого сыночка. Так лежал Ваня и думал, просыпаясь ночью под тихую мелодию наручных часов Тимура.

Наконец он решил сходить проверить. К тому же хотелось в туалет. Не терпеть же ему до утра?

Он на цыпочках, чтобы не шуметь, крался по коридору к Катиной комнате. Подошёл к двери и обомлел. Тимура не было нигде. Прислушался и пришёл в ещё больший шок. За дверью происходило невообразимое. Чёткие ритмичные шлепки стукающихся лобков, сдавленное сопение — как бы он хотел видеть это! Ваня стоял полусонный, хлопая глазами, рассасывая звуки, которые становились всё более интенсивными. Скорость шлепков усилилась, их мощь, Катины вздохи, очень тихие, но обязательные, вызвали у Вани не только возбуждение, но и зависть. Он тоже был девственником, тоже ни разу не целовался. Брат всегда стоял на шаг впереди, хитростью забирал большую часть. В этот раз Ваня первым обнаружил Катин грех, а брат воспользовался возможностью, принудил Катю к сексу. Так думал Иван, возвращаясь в комнату. Ему не хотелось дрочить под звуки Тимура. Зависть охватила молодую душу.

Он думал о том, как легко Катя дала, согласилась на секс с братиком. «Интересно, что он ей сказал? Пригрозил, наверное, что расскажет маме. Вот, как дела делаются». Ваня хмурился, засыпая. В его голове уже созревал план.

9

С Катей Ваня общался как со старшей подругой. Хоть они и были одногодки, учились на первом курсе, чувствовалась в ней тайная недетская зрелость. Через пару дней после ночного открытия Ваня созрел для разговора по душам. Договорились встретиться у метро, чтобы вместе ехать домой. Вместо автобуса Ваня предложил прогуляться по парку.

— Знаешь, я тебя ни в чём не виню, — начал он издалека. Катя посетовала, что Елена Владимировна, мачеха, не любит девочек в принципе. Так она намекала, что родные сыновья ближе, чем чужая дочь. — Я бы тоже на твоём месте чувствовал себя неуютно, — говорил Ваня. — Отец у тебя очень хороший, добрый. Ты его, наверное, очень любишь?

— Да, — Катя грустно улыбнулась. — Когда мама ушла от нас, пришлось взять на себя все заботы. Я тогда и гладить и стирать научилась. И готовить.

— Всё это хорошо, — Ваня задумчиво хмурился, молчал. — Только зря ты с ним спишь. Нельзя так, — он бросил косой взгляд.

Катя сразу поменялась в лице. Они шли медленно по дорожке, гуляли, как молодая парочка. Спешить было некуда, осеннее солнце едва пробивалось сквозь завесу облаков.

— Почему ты так думаешь? — она старалась оставаться спокойной, затаённая обида сквозила в недетском голосе.

— Потому что наша мама тоже не дура. Терпеть такое не станет, как думаешь? — Ваня была ласков, даже излишне. Добрый Ванечка!

— Нет, почему ты думаешь, что я сплю с отцом? — Катя упрямо нахмурилась. — Это тебе Тимур сказал?

— Нет, — поспешил Ваня. — Тимур здесь ни при чём. Я сам заметил однажды, как папа твой к тебе идёт.

— И что? — Катя возмущённо надула губки. — Он ходит, потому что мне страшно одной! — от обиды она готова была разрыдаться.

— Послушай, — Ваня быстро приходил в себя. Он не так представлял себе подготовку почвы для заключения сделки о сотрудничестве. — Спишь ты с ним или нет меня не касается. Я видел однажды, как вы занимаетесь сексом, мне этого достаточно.

— Где ты видел? — Катя повысила голос до визга. Две секунды до истерики.

— Тимур показывал, — хмуро ответил Ваня. Пришлось вводить в бой тяжёлую артиллерию. — Он поставил камеру в твоей комнате, записал всё.

Катя остановилась. Её круглые глаза выражали всё, что она чувствовала: гнев, отчаяние, провал, полную капитуляцию. Ей было больно и стыдно, Ваня видел, как она страдает.

— Там ничего особенного, — поспешил успокоить Ваня. — Ты красивая, — он улыбнулся. Похотливый блеск в его глазах с потрохами выдал намерения.

Катя улыбнулась одними губами. Она по-прежнему стояла поражённая сообщением о записи.

— Давно ты знаешь? — спросила она, делая неуверенный шаг вперёд.

— Пару месяцев, — Ваня предложил ей руку, впервые. И она приняла его жест, взяла его под локоть, как девушка согласная быть ведомой.

Они шли молча, Катя задумчиво смотрела под ноги.

— Когда мама ушла от нас, папе было очень одиноко. Мне тоже, — сказала она. — Я не знаю, как это получилось. Ты ведь никому не скажешь? — она бросила молящий взгляд в его сторону. Ваня оставался непроницаем.

— Ты должна перестать заниматься этим.

— Да я знаю, — Катя закивала. — Он ведь поэтому и женился на вашей маме, чтобы освободить меня. Мы уже почти не занимаемся ничем, только иногда целуемся, когда он скучает по маме. Я ведь очень похожа на неё.

Ваня хмурился. Уж очень сладко Катя щебетала.

— Врёшь ты всё, — сказал он спокойно. — Всё время врёшь! — он быстро распалялся, бросил на Катю гневный взгляд. — Начала с вранья, враньём и закончила! Ты вообще когда-нибудь говорила правду? — он смотрел на неё с отвращением. Не было милости в его желании поставить её на место, эту зарвавшуюся завравшуюся папину дочку.

— Да, — Катя побледнела, тоска накатила на детское личико.

— Когда? — Ваня рвал и метал.

— Сейчас скажу, — она остановилась, опустила глазки. Он тоже стоял перед ней, засунув руки в карманы, смотрел на неё с отвращением. Она подняла на него болезненный взгляд, ища понимания:

— Я боялась тебе говорить, — она захлопала ресницами, губки приоткрылись. Что-то останавливало её, а он молчал. — Ты мне нравишься, — прошептала она губами. Гнев в его глазах сменился замешательством. Катя облизнула губки, быстро, как змея. Сделала шаг вперёд, приподнялась на цыпочки, они были почти одного роста, и, обхватив Ваню за шею, присосалась к нему губами.

Это был мокрый поцелуй, чувственный, возбуждающий. Катин язык тут же нырнул в Ванин рот, связался с его робкими движениями. Он приоткрыл рот и, так как целоваться он не умел, просто ловил чужие указания. От эйфории поцелуя закружилась голова. Катя была в юбке и курточке, его руки невольно спустились по талии на стройную попу. Катины длинные волосы колыхались по спине, скользили по рукам. Он слегка наклонил голову, как в кино, прикрыл веки. Катя действовала активно, она работала губами, нижняя челюсть медленно опускалась и поднималась. Ваня вырвался на секунду, чтобы отдышаться. Всё-таки первый поцелуй с девушкой превратился в безумство. Влюблённые зелёные глаза Кати встретили его расслабленным томлением. Она улыбалась, как человек только что избавившийся от тяжкого груза. Так она себя и чувствовала. Соблазнение Тимура решило проблему в своё время. Она догадывалась, что Ваня тоже знает, и вот он согласен разделить с ней вину.

Она опять присосалась к нему, в этот раз с улыбкой на губах. Ваня сходил с ума, всё, о чём он мечтал, сбывалось так быстро. Катя сама повисла на шее, понятно теперь, почему Тимур так быстро добился успеха. Единственное, что омрачало Ванины мысли, было ощущение обмана. Ведь Катя не просто так старалась, она покрывала тайну, втягивала его в соучастники. Тимура она точно так же захомутала. «Ну погоди же, — думал Иван. — Думаешь, я дурачок, не понимаю, почему ты целуешься?» — он сильнее сжал Катины ягодицы, они задрожали под юбкой. Контуры трусиков натянулись под пальцами.

Вокруг никого не было, под кронами деревьев в парке молодые люди, сводные брат и сестра, изучали искусство французского поцелуя. Ваня быстро учился. Они прошли ещё сто метров и опять слились в оральном безумстве. Его руки гуляли уже с большим напором по стройному телу. Он брался за бедро, опускался по талии на ягодицы, мял их. Катя позволяла всё! Она сама ныряла языком в рот, выбивала чечётку, до умопомрачения вылизывая Ванин рот. Он возбудился, член ломался под джинсами. Заложенный набок, он то и дело приподнимал трусы, отрывался от лобка, чтобы напомнить о себе.

Так они, с большими любовными препятствиями, дотянули до дома.

10

Через два дня после ужина Катя поймала Ваню в коридоре. Парень горел желанием, она видела, что дальше томить его напор одними поцелуями нельзя. К тому же ей хотелось поскорее закрепить союз, чтобы у братика не возникало желания пожаловаться мамочке.

— Приходи сегодня ночью, — шепнула она, заговорщицки сверкнув игривыми глазками.

— Во сколько? — Ваня растянулся в довольной улыбке.

— В пять. Сможешь?

Он кивнул, и они разбежались по комнатам.

Ваня долго думал, как не проспать. Наконец завёл будильник на таких же наручных часах, как у брата. Просто в голову ничего лучше не пришло.

Странно, но он проснулся без десяти пять, за пять минут до звонка будильника. Внутренние часы точно указали время пробуждения. Он улыбнулся, выключил будильник. Братик Тимур наслаждался безмятежным сном на соседней кроватке, мерное посапывание через нос свидетельствовало о полной отключке.

Беззвучно поднявшись с постели, Ваня проскользнул к двери, пробежал на цыпочках по коридору. Вдруг захотелось в туалет. Он понимал, что если смоет, то будет шум, поэтому зашёл в ванную, дверь которой всегда была приоткрыта, чтобы не хлопала. Он даже не стал включать свет, чтобы не щёлкать выключателем. И кран не открывал. Просто достал распаренный член из трусов и аккуратно вылил содержимое мочевого в раковину. Стоя в кромешной темноте, он посматривал сквозь щёлочку. Коридорный полумрак лился внутрь. В квартире все спали. Ваня выскользнул из ванной и на цыпочках подошёл к Катиной комнате, находившейся в двух шагах. Прислушался. У Кати было тихо. Он взялся за ручку, потянул сначала дверь на себя, чтобы не щёлкнул язычок замка.

Катя спала, он даже пожалел, что пришлось её будить. В руке он принёс с собой пачку презервативов, спрятанную накануне возле кровати в зале. Они были соединены пунктиром, однажды он примерял презерватив во время занятия онанизмом, пробовал, каково это, кончать в латекс. Однажды ему придётся повторить опыт в боевых условиях, и вот настал момент.

Катя улыбалась спросонья, сразу притянула Ваню к себе. Она, как котик, ласкалась носиком. Без мокрых поцелуев изучала его шею, исследовала губами щеку, скулу, подбородок.

Ваня приподнял одеяло, запрыгнул в тепло. Он был взведён не на шутку. Наконец-то он трахнет сестрёнку, лишится девственности с опытной девушкой. Пускай Тимур не думает, что он один такой умный.

Ванин член торчал колом, парень сразу полез натягивать презерватив. Катя, увидев его старания, поняла, что действия будут происходить здесь и сейчас, на старом скрипучем диванчике.

— Давай лучше в кресле, — шепнула она.

Ваня смутился, но про себя согласился: диван действительно слишком скрипуч для первого раза.

Они с треском покинули диван. Катя командовала парадом. Она уже достаточно проснулась, чтобы понимать, как всё сделать быстро и по возможности бесшумно. Стянула с себя маечку, трусики.

Голая сестрёнка привела Ваню в экстаз. Она сидела перед ним в кресле, раздвинув ножки, цепляясь попой за самый край, предлагая ему войти в писечку, которая зияла перед ним розовыми приоткрытыми губками. Пухленький расщеплённый пополам персик манил розовой мякотью.

Он приник к сестрёнке грудью, внизу воткнулся членом. Катя нашла губы, присосалась по-французски, ручкой она направила твёрдый, такой же горячий и упругий как у Тимура, член себе в писю. Немного откинулась назад, и вот Ваня входит в неё до конца. Она обхватывает его сзади ножками, опирается на руки. Ведь они хотят параллельно целоваться. Ваня бьёт лобком в Катину промежность, бёдра, застрявшие рогаткой в кресле. Это не очень удобно, стоять в такой позе. Он быстро теряет силы, отвлекается, стягивает одеяло с кровати и кидает его на пол. Катя, привыкшая трахаться в кресле, улыбается. Для первого раза действительно лучше подойдёт поза попроще. Она сползает на одеяло, ложится на спину.

Ваня удобно располагается сверху. Теперь им ничто не мешает насладиться любовью. Первый раз у Вани проходит бойко, он сгорает от желания не облажаться, показать, что тоже мужчина. К тому же перед глазами маячит картинка, подсмотренная на видео. Звуки Тимура ласкают слух, указывают на кучу возможностей с Катей. Она хлюпает под ним писечкой, смешно, грудки подлетают от ударов, он ныряет к сосочкам, выгибается в пояснице. Катя пяточками бьёт по ягодицам, подгоняет. Он рад стараться: опускается на неё всем телом, находит упор в локтях и коленях. Он завис над ней. Она обхватывает его бёдрами, он обрушивается в сочное горячее влагалище, расслабляется в тазе, начинает подъём. Теперь он знает, чем секс отличается от дрочки! Здесь надо работать. Физически. Делать всё слаженно и много, быстро и чётко. Он чувствует приближение оргазма, откладывать не стоит. Катя под ним извивается как кошечка, её ногтики скребут по спине, пяточки взлетели на поясницу. Она складывается под ним пополам, разъезжается в тазе, только влагалище зияет хлюпающей дырочкой. Их губы бесконечно исследуют предел чувствительности, языки натирают друг друга до скуки. Ваня чувствует неминуемость обрушения, понимает, что момент настал. Он обхватывает Катеньку руками, прижимается к ней грудью, она горячая штучка, худенькая, мягонькая. Дырочка. Её язык щекочет ухо, ногтики царапают спину, она, как кошечка, вцепилась коготками и пяточками, бьётся под ним, а он забивает в неё свой первый оргазм. Дерзко и твёрдо, много и быстро выливает всё без остатка. Как же это здорово, секс! Разве можно сравнить с дрочкой? Ваня, обмякший, опускается на девушку, подарившую ему любовь.

— Я люблю тебя! — шепчет Катя, целует его в щеку, улыбаясь. Он улыбается с закрытыми глазами. Надо закрепить этот момент:

— Я тебя тоже, — поднимается и накрывает её рот своим. Его язык властный, сильный, диктует волю. Теперь она будет и его девушкой, или только его. Она хорошая, ни в чём не виновата. Отец приучил её к сексу, но теперь ей надо поменяться, уйти от взрослого мужчины, найти одногодку. Он размышляет как мужчина, возвращаясь к себе. Как же всё-таки прекрасна жизнь!

11

Катя чувствовала, что запутывается, но ничего не могла, а главное, не хотела с этим делать. Больше всего на свете она боялась гнева мачехи — Елены Владимировны. Ведь если та узнает о связи дочери с отцом, то никогда не простит. Их выгонят, папа опять начнёт пить. В том, что мама с папой расстались Катя винила и себя. Ведь это она рассказала однажды папе, что мама хочет, чтобы бабушка «поскорее сдохла». Мама заставляла учиться, была диктатором в семье, хотя сама ничего из себя не представляла. Вечно напивалась до щенячьего визга. Родители ругались, Катя была трудным подростком. В другой раз Катя не открыла дверь, когда мама, пьяная, вернулась под утро. Папа тоже не хотел пускать загулявшую жену, но ключевую роль сыграла Катя. Это было её решение: жить без мамы. И потом, когда мама нашла любовника, Катя обрадовалась. Ведь теперь они останутся с папой вдвоём. Папа взялся за стакан, горевал в одиночестве. Он считал, что жена бросила его, винил себя. А Катя ненавидела мать, обожала отца. Однажды она надела мамино платье, она была уже достаточно взрослой, восемнадцать, чтобы выглядеть зрело. Накрасилась как мама, надела те же украшения. Всё это осталось от сбежавшей мамаши, которая решила начать жизнь сначала. Папа лежал пьяный на диване, смотрел телевизор. Катя прошлась по комнате, привлекла внимание.

Впоследствии он был слишком раним, слёзно просил прощения. Но она приучала его не

думать о плохом, жить сегодняшним днём.

Девственности Катя лишилась задолго до этого случая. Когда ей было тринадцать, сосед, шестнадцатилетний крепыш, соблазнил её сначала на поцелуи, а потом привёл к себе, и там началась Катина половая жизнь.

Папа познакомился с Еленой Владимировной на сайте знакомств. Слово за слово, встреча, одна, вторая. Вспыхнула искра любви. Катя ревновала и боялась. Ведь ей придётся жить с чужими людьми. Чужая женщина заберёт любовь отца.

Они переехали к Космылёвым. Катя боялась потерять отца, но вопреки её страхам, их связь только усилилась. Отец тянулся к дочери, приходил к ней пару раз в неделю. Оставаясь наедине, они тоже не теряли времени даром. Он по-прежнему любил в ней мать, а она отдавалась ему в маминых чулках и трусиках, надевала для него мамино платье, так ему было легче думать о бывшей жене, любимой женщине, бросившей его.

Братья Космылёвы сразу понравились Катя. Задорные шалопаи проявляли галантность, она вдруг почувствовала себя красивой и желанной. Роль любовницы отца затенялась флиртом с юношами. Катя любила мужчин, мальчиков. Её возбуждали мысли о прекрасной любви, отношениях, признаниях. В то же время она не видела себя связанной в обязательствах. В братьях Космылёвых она видела скорее надёжных друзей, действительно братиков, нежели спутников жизни. Она доставляла им удовольствие как сестра милосердия оказывает помощь пострадавшим во время землетрясения. Так их трясло от возбуждения, когда они приходили к ней ночью.

Катя любила секс, странная гремучая смесь возбуждения пропитывала всё её сознание от одной мысли принадлежать мужчине, доставлять ему удовольствие, становиться послушной игрушкой в его руках. Она любила братиков, как любила отца. По-своему, конечно, но они были классные парни. Добрые, весёлые, безбашенные. Почему не дать? Она воспринимала секс с ними, как часть дружбы, семейных отношений. Последний интимный предел, который переводит отношения в область безграничного доверия, пройден. С отцом у неё были похожие отношения. Она не только дочь, но и жена, друг, надёжный помощник. Она помогала папе и мальчикам расслабляться. Так она себя видела со стороны. В душевном плане Катя соглашалась с ролью матери. Ведь она неосознанно искала в мужчинах детей. Они любили её как маму, как будущую жены, как нынешнюю подругу. Она роднилась, занимаясь сексом. Это была часть ритуала вхождения в круг доверия, и Катя сделала секс простым и доступным. Потому что сама испытывала огромное удовольствие, отдаваясь мужчине. Они дарили любовь, она принимала подношения.

12

Тимур по-прежнему просыпался в три часа ночи по будильнику, протирал глаза, зевал. Встречаться с Катей днём было опасно, он жил ночными встречами, после которых засыпал богатырским сном.

— Почему бы нам не встречаться попозже, скажем, часиков в пять? — предложил он однажды.

— В пять я обычно очень крепко сплю, — Катя погладила парня по щеке.

Они научились справляться за десять минут. Две-три минуты на разогрев, Тимур раскатывал резинку, Катя подставляла попку. Он драл её до конца без предварительных ласок. Разряжался, целовал и шёл спать.

— Ты всё ещё встречаешься с отцом? — спросил он её в другой раз.

— Да, но редко, — Катя поджала губки, показывая, что ей неприятна эта тема.
— Ты любишь его? — Тимур изучал ангельское личико любимой девушки.
— Да, — Катя оставалась серьёзной.
— А меня?
— И тебя люблю, — она встретилась с ним взглядом, улыбнулась.
— А кого больше? — он тоже улыбнулся.
— А кого ты больше любишь: маму или брата?
Тимур задумался, хмыкнул. Действительно, выбирать из двух родственников крайне сложно.
— Значит, ты меня любишь как брата? — спросил он.
— Да, — Катя носиком потёрлась о плечо Тимура. — Мы ведь брат и сестра?
— Не родные, — уточнил Тимур.
— А если бы были родные? — Катя повела носиком вверх, нашла подбородок и щеку.
— Ты бы стала спать с родным братом?
— А ты бы с родной сестрой?
— Не знаю, — Тимур натыкался на собственные вопросы, его голова шла кругом от этих дилемм, которые он хотел навязать Кате, а получалось наоборот.
Катя вздохнула, и он отправился в зал. Ей нужно было выспаться, ему подумать. С недавнего времени он начал думать о том, как увезти Катю. Бросить всё и сбежать. Она спала с отцом, потому что привыкла, а не потому что любила. Любить можно и без секса, размышлял он. Любить отца нужно без секса. Он ведь не занимается сексом с мамой только потому, что любит её. Тимур на секунду представил секс с мамой, и волна отвращения к себе тут же откинула мысли на задворки сознания. «А Катя вот может!» — эхом вторил голос, звучащий из пустоты. Тимур засыпал с твёрдым желанием найти работу, снять квартиру и забрать с собой Катю. Только когда это случится? Он учился на программиста, и возможности вроде были, но всё равно студентов брать никто не хотел. Надо было хорошенько постараться, чтобы компания взяла на полставки. И потом этих денег вряд ли хватит, чтобы снимать квартиру. Тимур ясно понимал финансовую несостоятельность своих мечтаний.
13
Ваня приходил в пять. Катя всегда спала в это время, и он чувствовал себя неловко, запрыгивая под одеяло. Катя больше не садилась в кресло, они научились тихонечко заниматься сексом на скрипучем диване. Для этого Катя ложилась к Ване спиной, спускала трусики, выпячивала попку. Он насаживал её как курочку, водил в горячем пахучем влагалище. Катя пахла сладенько, как маринованная курочка. Так он и представлял её, когда кончал. Он медленно водил членом, стараясь не создавать шума. Кончал тоже бесшумно. Целовал Катю, она мурлыкала спросонья. Он уходил, надеясь на случайный секс в выходной день.
Однажды они остались дома одни, очень редкое явление для семьи Космылёвых-Хомичей.
— А у тебя есть какое-нибудь красивое бельё? — закинул удочку Ваня.
Катя кивнула, ушла в комнату. Он разделся до гола, уселся на край родительской кровати. Они решили расслабиться в спальне с балконом. Катя вернулась при полном параде. Ваня уже видел её однажды в секс-униформе, поэтому сразу понял, каких телодвижений ожидает от него папина дочка.
Он поставил её раком на кровати и драл два часа, кончил пять раз, потому что старался насладиться редким моментом уединения.

— Ну ты… — Катя запнулась, — даёшь, — она с изумлением смотрела на молодого бойца.
Тот в мыле сношал её в четвёртый раз. Прошёл час. Потом пришёл черёд пятого. Катя умаялась, хоть её роль и сводилась к пассивной уступчивости. Она подставлялась, становилась в одну позу, ложилась в другую. Под конец её влагалище гудело, затёртое до пены, мышцы побаливали на ногах, особенно в паху, который приходилось постоянно держать открытым. С Ваней такое случилось впервые и запомнилось надолго. Потом Катя не раз удивлялась его не убиваемой потенции. Делать ему минет было бесполезно, он мог не кончать часами. Она просто подставляла ему попу, становилась раком, в такой позе он забирал её быстрее всего. С Ваней она погружалась в животный секс, с Тимуром в романтику. Тимур делал тайные подарочки, Тимур ревновал! 14
Прошёл Новый год, на 14 февраля Катя получила тайные признания в любви от трёх мужчин. Тимур злился на отчима, тот пользовался дочерью для снятия напряжения, обманывал маму. Ему мало одной жены, думал он. Временами Тимур хотел пойти в милицию, чтобы Павла Валерьевича посадили в тюрьму. С другой стороны Катя была совершеннолетней, а что было раньше — неизвестно. К тому же, уважение к маме, страх всё разрушить удерживали Тимура от опрометчивых поступков. Он надеялся вырваться из порочного круга, вырвать Катюшу из отеческого рабства, увезти её с собой.
Однажды в конце февраля он проснулся от знакомого томления в мочевом. Светало. Накануне он выпил много воды, хотелось помочиться.
Тимур перевернулся, взглянул на соседнюю кровать и застыл. Там никого не было! Свёрнутое одеяло лежало слегка приподнятое. Казалось, что Ваня свернулся в калачик у противоположного края, но дальнейшее исследование показало, что его нет. Нет в комнате!
Тимур поднялся с путающимися мыслями, поплёлся в туалет. Но сначала свернул на кухню, заглянул туда, никого, вернулся по коридору. Холодея, подходил к Катиной комнате, свет в ванной и туалете не горел.
Он медленно надавил на ручку двери и вошёл. Картина, представившаяся его глазам, надолго запомнилась неповторимостью моментов. Ваня стоял голый, выгнувшись коньком, слегка присев, и трахал Катю в рот. Она сидела в кресле, тоже абсолютно голенькая, двумя руками держала член, насаживалась ротиком. Её взгляд метнулся в сторону Тимура. Братик обернулся и отступил. Прикрывая вздыбленный пах руками, повернулся спиной.
— Ебётесь тут? — Тимур смерил презрительным взглядом брата и Катю. Его голос звучал мрачно. — А ты — шлюха! — прошипел он, встретившись глазами с Катей. — Просто шлюха! — он повернулся и вышел.
Остановился на секунду около туалета, зашёл и громко на всю квартиру хлопнул дверью. Потом вернулся в зал, Иван уже лежал под одеялом. Глаза его были закрыты, на хмуром лице играли желваки.
Тимур повалился на свою кровать у окна, перевернулся на спину и застыл так, подложив ладони под затылок. Он пялился в потолок до восьми тридцати — времени, когда прозвенел звонок. Дети вставали, чтобы идти учиться.
В этот день, впервые за много месяцев, они вышли из дома раздельно. Ваня и Тимур не замечали друг друга на остановке, держались особняком. Ваня зашёл в передние двери автобуса, Тимур в задние. Катя вышла позже всех, когда мальчики уже ушли. Она тяжело переваривала случившееся, ведь братья стали для неё родными. Они были равны в правах, и всё же она чувствовала, что сделала больно Тимуру, который проявлял особые старания,

ухаживая за ней.

15

Вечером братья обменялись холодными взглядами, слова выходили односложно, слишком лживо. Ваня не чувствовал себя виноватым. Вот ещё! Винить себя в том, что Тимур втихаря жарил Катю, хотя по плану они должны были найти ей парня на стороне. Для этого они договорились ходить ночью в туалет, чтобы отбить охоту у отчима сношаться с дочкой. «Сам придумал хитрожопый план, сам же и прогорел!» — ехидно улыбался Ваня, поглядывая в сторону брата.

Тимур тоже не горел желанием мириться. Катя замкнулась в себе. Она улыбалась, как раньше, располагая к общению, но под добродушной улыбкой скрывалась тревога. Ужин, приготовленный мамой, проходил при полной тишине.

— Может, ещё положить? — Елена Владимировна суетилась у плиты, ухаживала за Катей. Мальчики сидели на противоположных краях стола.

— Нет, спасибо, — Катя поглядывала на братьев, жалела их, вспоминала, как так получилось, что они оба любили её, она любила их, но вместе они враждовали.

Бросив «спасибо», молодёжь разошлась по комнатам. Елена Владимировна удивлённо посмотрела вслед. Чтобы обычно весёлые дети вот так сразу набычились, такого ещё не было.

Космылёвы засели в зале за учебники. Тимур читал книгу по алгоритмам, Ваня искал смысл в философии. Так прошёл час, и тяжесть, висевшая в воздухе, постепенно рассеивалась. Тимур часто хмыкал, ухмыляясь, поглядывал на брата. В конце концов, чего он ожидал, что Катя будет хранить ему верность? Она и с отцом спит не от хорошей жизни.

— Давно вы с ней? — бросил он в другой конец комнаты.

Ваня отвлёкся:

— Что? — уставился на брата.

— Трахаетесь, что, — Тимур смерил брата презрительным взглядом.

— А тебе что? — Иван поморщился.

— Да так, — Тимур отвернулся.

— И что теперь? — спросил он чуть погодя.

— А что теперь? — отозвался Иван.

— Ну я и спрашиваю, что теперь? — Тимур опять повернулся к брату лицом.

— А ты как думаешь?

— Думаю, тебе надо оставить Катю в покое, если ты её не любишь.

— А ты, можно подумать, любишь? — Иван презрительно скривился.

— Я — люблю, — спокойно отозвался Тимур, скрывая дрожь в голосе.

— Я, может, тоже люблю, — сказал Ваня. Он зарылся в книгу, в голосе брата Тимур услышал тоску. «Неужели тоже любит?» — Тимур напрягся.

Он долго сидел, глядя в окно, молчал и хмурился. Наконец не выдержал:

— И что теперь?

— А что теперь?

— Ну что теперь делать?

— А ты что предлагаешь?

— Я ничего не предлагаю. Может, у тебя есть гениальные идеи.

— Вообще-то ты у нас специалист по гениальным идеям.

Тимур ухмыльнулся. «Поймал, поймал, засранец!» — он смерил брата ироничным взглядом.

— Ну хорошо, — Тимур хитро прищурился. — Вот, что я предлагаю. Пускай Катя сама решит, с кем она хочет быть.

Ваня задумался на секунду, оторвался от книги, покрутил губами.

— Если бы она хотела, давно бы это сделала. Думаю, ей вообще посрать с кем трахаться.

В этом Ваня был прав. «Уважаю», — думал Тимур. Слова брата затронули за живое, прошлись по натянутым струнам души. Тимур и сам начинал плохо думать о Кате.

— Нехорошо так о сестре говорить, — сказал он вслух.

Ваня хмыкнул, повернулся и сказал в лицо, будто плюнул:

— Ты — дурак, Тимур. И не лечишься. Она пользуется твоей добротой и вообще ебётся с нами, чтобы мы маме ничего не рассказывали.

Тимур повалился на спинку стула. Как ясно и чётко Ваня обрисовал ситуацию. И добавить больше нечего! А ведь действительно, она призналась в любви, чтобы выгородить себя, не попасть под раздачу.

— А с отцом она по-прежнему спит? — Тимур закинул ногу за ногу, чесал подбородок, который с недавнего времени регулярно покрывался жиденькой чёрной щетинкой.

— А ты как думаешь? — Ваня ухмыльнулся.

Тимур улыбнулся.

— И чё теперь делать? — спросил он.

— Да ничё не надо делать, — Ваня, хоть и младше брата на год, свободно владел ситуацией без налёта любовной придури. — Бери, пока дают!

— Во как!

— Да, вот так, — Ваня бросил наглый взгляд в сторону брата.

— Бери, пока дают? — Тимур оскалился.

— Да, еби, пока дают. Бери, пока дают. Отрывайся по полной. Ты ж видишь, какая она сука. Что с отцом, что с братьями. Тебе, небось, мозг вынесла? — Ваня усмехнулся, заглядывая Тимуру в глаза.

— Ну было дело, — Тимур притворно растянулся в кошачьей ухмылке.

— Вот так-то! Она тебя и меня, и отца своего вокруг пальца вертит, — Ваня показала средний палец, как Катя вертит. Тимур рассмеялся. — А мы бегаем и прыгаем тут по ночам. Давно пора её поставить на место.

— И как ты себе представляешь это? — Тимур окончательно расплылся в добродушной улыбке.

— Да просто, — Ваня разошёлся не на шутку. — Еби, пока дают, чтоб она с ног валилась. Батя у неё шустрый перец, видел, как родное дитя не жалеет?

Тимур хмыкнул.

— Вот я и говорю, — продолжал разглагольствовать Иван. — Надо сделать так, чтобы у неё на папочку времени не оставалось. Чтоб она с ног валилась.

— А давай! — Тимур беззвучно заржал, представляя картину. — А давай! — поддержал Иван, ему давно хотелось расправиться с Катей-пулемётчицей, девочкой-припевочкой, вытеснившей его в зал.

Парни рассмеялись, протягивая друг другу руку, как всегда, когда заключали шуточный союз. Где-то в глубине души Тимура скребли кошки, он любил Катю и желал ей добра, а мстить ей столь странным способом, метелить до посинения, казалось жестоким выходом. Или входом.

16

Катя удивилась приходу Тимура уже в следующую ночь.

— У вас всё нормально? — спросила она, хлопая ресницами.

— Да, — Тимур обнял девочку, посадил на коленки. Руки скользнули под маечку, нашли грудки.

— Я слышала, как вы смеётесь, — Катя улыбнулась краешком губ. — Что вы там, про меня говорили?

— Да, про тебя, — счастливый Тимур уткнулся губами в Катино плечо, нашёл шейку с пульсирующей жилкой.

— И что вы говорили? — Катя удобнее опустилась в твердеющий пах Тимура.

— Ты кого из нас больше любишь? — Тимур сохранял шуточный тон.

— Ну, не знаю, — Катя засмущалась.

— Может быть, ты любишь сразу двоих? — Тимур запустил руку в Катины шортики. Это была белая пижамка в цветочках. Нашёл её киску и, посадив девочку между ног, принялся массировать губки влагалище. Она сидела у него на коленях, провалившись попой, с разъехавшимися в стороны бёдрами. По закатывающимся зрачкам и обильному выделению смазки Тимур видел, как ей хорошо.

— Может и двоих, — Катя облизнула пересохшие губы.

— Сразу двоих? — Тимур засунул два пальца во влагалище.

— Сразу двоих, — повторила Катя. Она не выдержала и наклонилась к губам парня. Они слились в поцелуе, Катя обхватила Тимура за шею, между ног он продолжал трахать её двумя пальцами. Его член уже давно торчал. В следующий момент он поставил Катю перед собой на коленки. Он сидел в кресле, стянул шорты до щиколоток.

— Поласкай меня, Катюша, — он погладил котёнка по щеке. Она, успокоенная сообщением о примирении братьев, кинулась лизать торчащий член, встречаясь восторженным взглядом с Тимуром, опускаться к его яичкам. Она втягивала бледноватые шарики, выступающие под тонкой розовой кожей, засасывала их в рот, с улыбкой наблюдая, как вздрагивает Тимур от каждого прикосновения зубками. Поднимаясь по стволу, она насаживалась ротиком, чтобы вновь повторить путь вниз, в этот раз наполовину.

Поставив Катю в кресле, Тимур накинул резинку, вогнал член и затрахал сестрёнку в мыло. Он не думал о любви, не мечтал о побеге. Его интересовал только животный секс. Он кончил, опустившись за ней, как петух на курице. Приникнув поцелуем к тонким лопаткам курочки, он шептал слова любви:

— Мы тебя оба очень любим, ты ведь тоже нас любишь?

— Да, — шёпотом отзывалась Катя. Она боялась разрушить магию любви, возникшую в бермудском треугольнике.

— Сейчас придёт Ваня, пока ты горяченькая. Ты ведь не против?

— Нет, — у Кати от возбуждения мурашки побежали по коже.

Не успела она сойти с кресла, как Тимур вышел из комнаты, и Ваня вошёл с эрегированным членом. Он ждал под дверью! Стоял и ждал своей очереди! Она кинулась без лишних слов сосать член. Ваня тоже был немногословен, раскатал резинку, перевернул Катю лицом от себя и точно так же затрахал в мыло. В его стараниях было не меньше любви, Катя впервые испытала подобие оргазма. Она ложилась спать затраханная двумя братьями по очереди, с промежутком настолько коротким, что разницы не ощущалось. Горячее влагалище,

подготовленное Тимуром, легко приняло следующий член. И по времени такой вариант ей нравился больше. В фантазиях она давно представляла себя сразу с двумя. Оставался один маленький шаг.

«Как хорошо, что они помирились!» — думала Катя, довольно улыбаясь, прижимая к себе игрушечного плюшевого мишку.

17

Катя заканчивала первый курс Лингвистического, она училась на платном. Мальчиков на её потоке было мало, но те немногие, кто учился с ней, любили её за открытость, дружелюбие. Она флиртовала, ходила на занятия в обтягивающих платьях, колготочках. Часто одногруппники видели двух парней, встречавших её возле входа.

— Это мои братья! — отшучивалась Катя. — Гуси-лебеди!

— Познакомишь? — шутили подруги.

— Ни за что! — Катя сбегала по лестнице, обнимала Тимура и Ивана. Втроём они шли по аллее к метро.

Был конец марта. В субботу Павел Валерьевич отправился с женой в театр, оставляя молодёжь хозяйничать дома.

— Катюша, а давай займёмся любовью втроём? — предложил Тимур, когда они остались одни. Катя стояла у плиты, разогревала ужин по просьбе Елены Владимировны. Ваня сидел за столом спиной к холодильнику.

— Я не умею, — она нервно рассмеялась, хоть давно представляла себе, как это произойдёт.

— Мы тоже, — Тимур гладил Катину попу под обтягивающим чёрным платьем. Он подтянул подол вверх, задрал на пояс, сам опустился на колени и поцеловал сначала левую половинку попы, затем правую.

Катя в этот момент помешивала деревянной лопаточкой рис на сковородке. Оглядываясь, она бросала шаловливые взгляды вниз и на Ваню, сидевшего у холодильника.

— Давайте я вам помогу, — оживился Ваня. Он не хотел упускать возможности присоединиться к пиру.

Выйдя из-за стола, он опустился рядом с Тимуром, принялся целовать правую половинку попы. Парни стянули трусики, и Катина попа тут же покрылась гусиной кожей.

— Ну, что вы делаете? — Катя захихикала. Напрягая ягодицы, она увиливала от поцелуев, но силы были неравные. Парни держали её за ножки, пися, выглядывавшая из промежности, по очереди принимала языки. Катя выключила плиту, замерла, опираясь руками, чтобы не упасть. Веки медленно опустились, ротик приоткрылся, она глубоко дышала, возбуждённая неожиданным началом.

Братья руками раздвигали ножки шире, трусики отправились лежать на соседней табуретке. По очереди работая пальцами и языками, они ныряли в Катю, вылизывали солёненькую щёлку, которая быстро налилась соком.

Тимур оставил Ивана работать языком, а сам поднялся, чтобы целовать Катю в губы. Параллельно он расстёгивал замочек, тянущийся на спине посередине, стягивал верхнюю половину платья. Катин белый бюстик развалился и опал к ногам, как половинки кокосового ореха. Сами грудки мелко задрожали под сильными пальцами. Тимур вытягивал соски мокрыми поцелуями. Бурые холмики быстро наполнились кровью, твёрдые бугорки в центре выпрямились и загустели.

Катя искала руками члены ребят, расстёгивала ширинки, тянула ремни, удерживающие джинсы. Окна на кухне были завешаны, и им не о чем было беспокоиться. Тем не менее, Тимур взял Катю за руку и повёл в спальню родителей. Иван, прихватив раскиданную одежду, шёл за братом и сестрицей. На большой двуспальной кровати Катя заняла место по центру. Тимур, как старший, выбирал ракурс, позу. Она послушно опустилась на четвереньки. Член, предложенный Тимуром, быстро обрёл пристанище в горячем ротике. Иван целовал попу, пальчиками заигрывал с влагалищем. Всё это было в новинку для ребят, они переглядывались, улыбались. Тимур выбрал для себя роль главного и не прогадал. Катя слушалась его, Иван подыгрывал, заходил, куда надо. Оказавшись наедине с Катиной попой, Иван, уже раздетый, смочил головку члена слюной и медленно вошёл в Катю.

— Может, презерватив наденешь, джигит? — пошутил Тимур.

— Может и надену, — Иван ударил бёдрами, послал волну по Катиному телу, она напоролась глубже на член Тимура, томно замурлыкала.

— Так надевай, ты ведь не хочешь, чтобы Катя забеременела? — Тимур тоже водил бёдрами. Катя отозвалась согласным мычанием.

— Ну как хотите, — Ваня вытянул член, нашёл резинку, долго искал, где верх, где низ, наконец раскатал латекс по залитому смазкой члену и вновь вошёл в Катю.

— Не волнуйся, котёнок, — Тимур погладил Катю по голове, она ныряла на член. — Мы будем трахать тебя в презервативах. Она оторвалась на секунду, расплылась в улыбке:

— Спасибо, — произнесла тихо.

— Слышишь, братэлла? — Тимур опять обратился к Ивану в шуточной форме. — Катя говорит «спасибо». Мы ещё ничего не сделали, она уже говорит «спасибо».

Ваня усмехнулся, он не спеша работал бёдрами.

— Дай-ка мне резинку, — попросил Тимур.

Через минуту его член, такой же твёрдый, выгибающийся вверх под тяжестью молодой эрекции, полностью покрылся тонким прозрачным слоем латекса.

— Катя, — Тимур притянул девочку за лицо вверх. Они встретились глазами. Её затуманенный взгляд на секунду прояснился. — Теперь ты можешь ни о чём не беспокоиться, мы оба в резинке. Вот смотри, — он взял её за руку, погладил себя по члену. — Иван, дай ей свой член в руку.

Ваня достал распаренный член, подполз на коленках вперёд. Катя нашла второй член, такой же красивый и надёжно запакованный в латекс. Забота Тимура не была излишней. В откровенных беседах она не раз выражала опасение, что залетит. Больше всего на свете Катя боялась двух вещей: забеременеть и быть застуканной мачехой. Часто, занимаясь с братьями сексом, она вдруг приходила в ужас, останавливалась, чтобы сказать:

— Ой, мы, кажется, презерватив забыли.

— Да нет же. Смотри, — Тимур доставал член, давал ей потрогать резинку.

В другой раз он просил, чтобы Катя сама надела презерватив на член. Но ночью её голова была настолько затуманена, что она всё равно забывала и пугалась.

Теперь же ясность ума и очевидность факта привели её к согласию внешнему и спокойствию внутреннему. Она трогала члены, утянутые в латекс, Тимур толкал её вниз, чтобы она взяла их в рот. Вот они, абсолютно защищённые, один и второй, скользят во рту. Она сосёт попеременно и вдруг вместе. Они оба головками проникают в ротик. Катя склонялась над членами, ей тоже захотелось захватить их как можно глубже.

— Всё хорошо? — спросил Тимур, поглаживая Катю по голове.
— Да, — она была довольна.
— Мы не будем их снимать. Даже для минета.
— Хорошо, — она была благодарна.
— Если будет второй или третий раз, мы сразу наденем новые презервативы. Договорились, Иван?
— Да, — отозвался тот.
— Спасибо, — Катя подняла благодарный взгляд на парней. Её руки нашли члены, которые теперь обещали кучу безопасного секса.
— Если тебе будет больно или что-то не понравится, сразу говори, не терпи. Хорошо?
За это она и любила Тимура: за его предусмотрительность. Он словно читал её мысли, угадывал желания.
— Спасибо, Тимур, — она потянулась к нему губами, и он глубоко поцеловал её.
— С какой позы хочешь начать? — Тимур игриво улыбнулся, придерживая Катю за подбородок.
— Вот с этой, — она выгнула спину, оттопырила попу, опёрлась на кулачки. Булки попы заиграли на виляющих бёдрах. Катя танцевала ламбаду, приглашая одного из парней пристроиться сзади.
— Отлично, — Тимур притянул Катю за головку к члену, давая понять, что Ваня может занять позицию сзади.
Парни принялись получать удовольствие от общения с Катей. Её юное стройное тело наполнилось одним простым смыслом — секс. Она сама обожала секс, но секс с двумя парнями был за гранью понимания. В какой-то момент её повернули, и член влетавший до этого в истекающее смазкой влагалище, очутился в ротике. Тимур тут же нашёл её сзади, и всё повторилось наоборот. Она менялась, но два члена неизменно находили её ротик и писечку. Скоро Катя ощутила отрыв от реальности, парни старались изо всех сил. Отстрелявшись по одному разу, тут же приступили ко второму. Опять прошли ритуал посвящения в безопасный секс, минет для понимания, что латекс — не хухры-мухры, и полетели члены в горячее влагалище. Она сдалась со второй или третьей попытки, забилась в оргазме. А члены продолжали влетать в рот и в писю. Она лежала под ними на спине, подставляя две дырки, купаясь в мужской любви. Вновь подкатили мужские оргазмы. Влагалище, взбитое в пену, не закрывалось, но этого и не требовалась. Чей-то член замер на всю длину, подёргался, равно как и мужское тело на ней, прибивающее её к кровати. Сильные руки, схватили за плечи, притянули по-борцовски к твёрдой груди и прессу. Она едва не задохнулась. Но была вознаграждена новым оргазмом. Второй партнёр опустился на неё и повторил ритуал осеменения. Он бился также буйно, как припадочный, влагалище захлюпало, зачмокало смазкой. А её всё трахали и трахали, сменяясь сверху, снизу и сбоку. Она сбилась со счёту и в конце не могла свести ноги вместе, так и осталась лежать враскорячку. Наконец перевернулась набок. Кучка использованных презервативов лежала у изголовья. Парни специально выкладывали трофеи, хвастаясь друг перед другом. Она насчитала семь. Самые большие излияния переливались жидкостью молочного цвета. Дальше шли водянистые.
— Смотрите, — Катя взяла в руки самый жирный презерватив.
Уставшие парни лежали по краям кровати, перевели на неё разомлевшие взгляды. Что она

ещё придумала?
Катя развязала узелок презерватива. Они внимательно следили. Подняла мешочек вверх, задрала головку и опорожнила содержимое себе в ротик. Она начала сцеживать презервативы в рот, а они смотрели заворожённо. Их прикованные взгляды следили, как она наполняет рот спермой. Полный рот семени, она не глотала, предстал их взору. Катя красовалась, улыбаясь, показывала открытый рот, закрывала и снова открывала. Однажды она видела такое в порно фильме. Теперь она дразнила парней, показывала, что их семя останется с ней. Она закрыла ротик и проглотила. Потом открыла и высунула язык, показывая по очереди Тимуру, потом Ивану, что там пусто. Она всё съела!
— Молодец, хорошая девочка, — похвалил Тимур.
— Классно, Катя, ты просто супер, — отозвался со своей стороны Иван.
Она восприняла эти слова как комплимент, легла по центру и, притянув парней за руки, просила их лечь ближе, обнять её с двух сторон. Так ей было приятно чувствовать их сильные тела рядом.
18
Катя ложилась спать пораньше. Ночью парни будили её нежными поцелуями. С мальчиками она заранее договорилась о времени, чтобы папа случайно не столкнулся с ними в коридоре. Он по-прежнему ходил к ней ночью, крался по коридору в три часа утра, чтобы успокоить болящую душу. Жена его бросила и вот вернулась в молодом обличии. Катя хранила мамино нижнее бельё, украшения в специальном сундучке, запирающемся на замок. Для папы она надевала алое выцветшее платье в белый горошек. Даже имя менялось в ночной тиши:
— Людочка, — шептал отец, обнимая дочку. Она садилась в кресло, он пристраивался спереди, стоя перед ней на коленях. Ей нравилось играть роль жены, папина любовь усиливалась во сто крат во время игр и потом эхом проносилась в течение дня. Она была папина дочка, любимица. Он всё прощал, потакал, баловал. Братья тоже стали более внимательны к ней, учтивы и послушны. Она становилась маленькой принцессой, которой всё сходило с рук, был бы повод. Но Катя не капризничала. Так ей казалось.
Странная суета вокруг падчерицы настораживала Елену Владимировну. Она давно рассмотрела интерес мальчиков к сводной сестрёнке. По началу такое развитие казалось ей ненормальным, но потом она увидела, как ухаживания остаются только ухаживаниями. «Пускай играют, — думала она. — Может, хоть с девушками научатся общаться».
Парни действительно учились. Ночью они проводили не меньше получаса у Кати. Она пропускала их по кругу и вместе. Презервативы приходилось прятать и выбрасывать отдельно, чтобы родители не обнаружили их случайно в мусорной корзине на кухне. Парни приходили под утро или в три, желание Кати — закон в выборе места и времени. Будили её лёгкими поглаживаниями. Она с вечера надевала эротическое нижнее бельё, ночью спросонья тяжело разобраться, где что. Говорили мало, только шептали и хихикали. Ночной бурный процесс утром вспоминался как сон. «Неужели это было?» — сомневалась Катя. «Может, приснилось?» — ухмылялся Иван. И только Тимур доставал пакетик с использованными